

А. Е. И О Ф Ф Е

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Научные экспедиции академика Н. И. Вавилова

Замечательный генетик, ботаник и агроном, селекционер, географ и путешественник. Автор закона гомологических рядов наследственной изменчивости, теорий мировых центров происхождения культурных растений и естественного иммунитета растений. Создатель советской научной школы ученых-интродукторов (собирателей) исходного материала по всем сельскохозяйственным культурам. Директор отдела прикладной ботаники Ученого сельскохозяйственного комитета в Петрограде (1921—1924 гг.), преобразованного в Институт прикладной ботаники и новых культур при Совнаркоме СССР (в 1930 г. переименован во Всесоюзный институт растениеводства). Одновременно директор Государственного института опытной агрономии (1923—1929 гг.), Института генетики Академии наук СССР (1930—1940 гг.); член-корреспондент Академии наук (с 1923 г.), а затем действительный член АН СССР и одновременно АН Украинской ССР (с 1929 г.). Лауреат только что учрежденной Ленинской премии (1926 г.). Президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук (1929—1935 гг.), созданной по инициативе В. И. Ленина и носящей его имя. Член ЦИК СССР (1926—1935 гг.), президент Географического общества СССР (1931—1940 гг.). И все это вехи биографии одного человека — академика Николая Ивановича Вавилова.

Расцвет научного творчества Вавилова приходится на советскую эпоху. Ни в одной стране науке никогда не уделялось столько внимания со стороны государства, как в социалистической России. Именно научно обоснованная политика Советского правительства содействовала скорейшему преодолению разрухи и экономической отсталости, успешной реконструкции народного хозяйства, научно-техническому прогрессу во всех отраслях производства, превращению Страны Советов в мощное государство.

Интенсивный рост научной мысли в Советской России, сближение науки с производством создавали благоприятные условия для быстрого развития международных научно-технических связей. «Черпать обеими руками хорошее из-за границы», — так сформулировал основатель большевистской партии одну из практических задач социалистического строительства¹. Только социалистическая страна, свободная от противоречий и сложностей, свойственных любому капиталистическому государству, могла особенно успешно организовать координацию исследовательской деятельности, необходимую в условиях специализации науки, углубленного и всестороннего изучения многих ее отраслей, характерных для новейшего времени.

Среди многих вопросов, вставших перед человечеством после первой мировой войны, важное место заняла проблема увеличения продовольственных ресурсов. В условиях постепенно усиливавшейся интенсивности роста населения (особенно городского) и восстановления на новой технической базе подорванного войной народного хозяйства во многих странах мира особое внимание уделялось решению этой насущной проблемы. Серьезная роль здесь принадлежала науке. Это прекрасно пони-

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 550.

мало и молодое Советское государство. Лучшие ученые социалистической страны искали новые средства и возможности для роста производства продовольствия. Во главе этих поисков стоял Вавилов.

Выдающийся ученый еще в начале своей творческой деятельности (в 1917—1921 гг. он был профессором агрономического отдела Саратовского университета) пришел к выводу, что для решения задач селекции высококачественных сортов культурных растений необходимо использовать гораздо более широкий исходный материал. Отсюда задача: выяснить законы изменчивости растений и изучить распространение ценных форм по земному шару. Путь решения: собрать мировую коллекцию всего разнообразия культурных растений планеты, планомерно изучать мировые растительные ресурсы и получить тем самым огромный ценнейший материал для селекции. «Нас привлекало и завораживало то,— вспоминает один из учеников и последователей ученого, лауреат Ленинской премии академик Н. П. Дубинин,— что Вавилов связывал генетику с борьбой за идеалы социализма, и мы видели, что он ведет нашу науку к важнейшим свершениям».

Для решения поставленной грандиозной задачи нужны были зарубежные поездки и личные связи с иностранными учеными, с опытными станциями, сельскохозяйственными колледжами, университетами. Советское правительство даже в тяжелых условиях первых послеоктябрьских лет всемерно содействовало налаживанию международных контактов ученых, не останавливаясь перед использованием на эти цели крайне ограниченных в то время валютных средств. «В. И. Ленин в труднейшие годы Советского государства поддерживал проекты Н. И. Вавилова, потому что они имели первостепенное значение для развития производительных сил сельского хозяйства Советской России»².

Но буржуазные правительства еще не хотели признавать Советское государство; в глухой стене блокады стали появляться лишь первые бреши. Вавилов был одним из тех деятелей, которые прекрасно понимали, что создание и укрепление международных научных контактов — важное условие быстрого прогресса науки. Он активно помогал Советскому правительству устанавливать эти связи, использовать в социалистической стране достижения зарубежной науки, всемерно содействовал мировому признанию творческих успехов ученых СССР.

Международное научное сотрудничество — один из весомых факторов, подтверждающих возможность мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами и выгодность развития контактов между ними. А в то время, когда начались зарубежные поездки Вавилова, еще мало было советских полпредств. На ученых, выезжавших на международные съезды и коллоквиумы, в творческие командировки, ложилась еще одна большая задача: разоблачать клевету антисоветчиков, помогать зарубежной общественности узнать правду о внешней политике социалистической страны, о ее грандиозных созидательных планах, ее искреннем желании мирно сотрудничать со всеми другими государствами. Вавилов был одним из первых советских ученых, получивших возможность совершить длительную зарубежную поездку. 1921 год. Закончилось (за исключением Дальнего Востока) изгнание иностранных интервентов и белогвардейцев. Правительство США решительно отказывалось признать Советскую Россию. Но контакты между деятелями науки уже развивались. В Северной Дакоте открывался конгресс по борьбе с болезнями хлебных злаков; собирались крупнейшие специалисты из многих стран. Уже в феврале 1921 г. департамент земледелия США решил пригласить двух советских ученых — Н. И. Вавилова и А. А. Ячевского. Приглашение было передано через представителя Российского Красного Креста в Америке. Советское правительство решило послать ученых за океан. Вавилов получил специальный мандат. В нем говорилось: «С-х Ученый Комитет Народного Комиссариата Земледелия командует заведующего отделом Прикладной ботаники и селекции профессора Н. И. Вавилова в качестве представителя Ученого комитета в Америку, на устраиваемый фитопатологическим обществом в Северной Дакоте в июле с. г. международный конгресс по болезням хлебных злаков»³. Такой же документ был вручен Ячевскому. В Народном комиссариате

² Н. П. Д у б и н и н. Вечное движение. М., 1973, стр. 54, 185.

³ Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 9708, оп. 1, д. 9, л. 4.

земледелия считали, что эта поездка даст возможность советским ученым познакомиться с новейшими течениями в области борьбы с болезнями растений, установить связи с зарубежными научными учреждениями, приобрести научную литературу и приборы. Открывалась также хорошая возможность познакомить Запад с тем, что уже было сделано молодой советской наукой — пока еще в сложных условиях войны и разрухи.

Но добраться до США тогда было нелегко. Ученые выехали в Ригу, где начали хлопотать о разрешении на проезд в США. Американский консул даже не пожелал принять «красных профессоров». Они послали телеграмму в Вашингтон. Прошло две недели, ответа нет. Время открытия конгресса приближалось... Вавилов и Ячевский решили ехать без виз. В Лиепае (тогда — Либаве) они сели на пароход, предварительно пройдя дезинфекцию и заполнив длинные анкеты («должны были указать, сколько у нас в роду было сумасшедших, на этом даже особенно настаивали»). Дорога тяжелая: туманы, шторм. Через 14 дней путешествия ученые попали в Галифакс. Там они получили телеграмму, разрешающую въезд в США.

Вавилов сделал на конгрессе доклад «О законе гомологических рядов в наследственной изменчивости». Это было первое крупное научное открытие будущего академика, впервые изложенное им в июне 1920 г. на III Всероссийском съезде селекционеров в Саратове. Вавилов обнаружил и обосновал одну из важнейших особенностей эволюции растений: у близких видов и родов возникают одинаковые наследственные изменения. Это открытие и ныне сохранило свое значение — специалисты нередко сравнивают закон гомологических рядов с периодической системой элементов Менделеева. Стало возможным предсказывать и находить у различных сортов и видов растений нужные, но ранее неизвестные для этих форм наследственные признаки, полученные по наследству. Доклад Вавилова на международном форуме в Америке вызвал сенсацию. Портреты ученого, приехавшего из социалистической страны, печатались на первых полосах газет и сопровождались словами: «Если все русские такие, как Вавилов, нам следует дружить с Россией».

Не только отличное владение Вавиловым английским языком (а Вавилов читал и изъяснялся на 22 языках и диалектах) ошеломило участников конгресса: их поразили исключительное знание советским ученым мировой литературы по иммунитету и географии растений, земледелию, ботанике, генетике, новизна концепции и законченность выводов. Сельскохозяйственный Ученый комитет Наркомзема сообщил в Наркоминдел, что советские профессора «встретили исключительно радушный прием со стороны как деятелей науки, так и официальных представителей министерства земледелия, Иностранных дел и Министерства торговли и промышленности»⁴. Двери научных институтов, опытных станций, библиотек открылись теперь перед Вавиловым и его коллегой. Они решили «осмотреть все лаборатории и познакомиться с некоторыми наиболее выдающимися деятелями». Советские ученые объездили большую часть США, ненадолго выезжали в Канаду, где также изучали организацию разведения и защиты растений.

Научная мысль лучших американских ученых была тоже направлена на создание и нахождение устойчивых сортов. Поэтому они чрезвычайно заинтересовались работами Н. И. Вавилова. В некоторых местах он увидел свою книгу о гомологических рядах, переведенную американцами. «Нам приходилось постоянно выступать, — рассказывал Ячевский по возвращении домой, — везде устраивались конференции местных деятелей, на которые нас приглашали, чтобы мы, со своей стороны, осветили некоторые научные вопросы, выяснили бы состояние науки в России... вообще все американцы и ученые люди чрезвычайно интересовались как положением науки в России, так и положением ученых»⁵. В Калифорнийском университете близ Сан-Франциско советские гости знакомились с постановкой преподавания. Ячевский пошел послушать лекцию проф. Хорена. «Вдруг на половине лекции [Хорен] прервал ее и заявил студентам, что приехал русский ученый и он просит его продолжать лекцию». Отказаться было нельзя.

⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 2978, оп. 2, д. 239, л. 3, 7—10; ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 35; см. также А. И. Ревенкова. Николай Иванович Вавилов. М., 1962, стр. 57—58; С. Резник. Николай Вавилов. М., 1968, стр. 122.

⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 2978, оп. 2, д. 239, л. 30, 32.

Когда поездка подошла к концу, в Вашингтоне Написательная Академия наук и американское Ботаническое общество устроили торжественное заседание в честь советских ученых. Вавилов сделал доклад о своей деятельности, об исследованиях по прикладной ботанике, Ячевский рассказал о борьбе с болезнями растений в России. Оба оратора говорили и об успехах науки в Советской стране⁶. Американцы узнали от советских ученых чрезвычайно много интересного, нового, поучительного. Польза была взаимной.

Отправляясь за океан, а затем в Западную Европу, Вавилов хотел ознакомиться «с основными идеями, которые в настоящее время проводятся в области генетики», а также с теми полевыми культурами, чьей родиной является Америка; собрать максимум литературы, образцов семян; узнать о новых исследованиях по иммунитету растений, об общем состоянии земледелия в США и Западной Европе⁷.

Не один день провел ученый в вашигтонском Бюро растениеводства: ведь здесь уже более 20 лет собирали по всему свету культурные растения. Услугами Бюро растениеводства широко пользовался известный ученый-плодовод Лютер Бербанк; в его калифорнийском питомнике была собрана самая обширная в то время коллекция. У входа в питомник висело объявление: «Мистер Бербанк занят не меньше министров Вашингтона и поэтому почтительнейше просит публику не беспокоить его своими посещениями». Однако перед советской делегацией двери были раскрыты. Вавилов ознакомился с работами Лютера Бербанка, Томаса Моргана, посетил все главнейшие американские селекционные учреждения, беседовал с фермерами, побывал на землях индейцев. В Канаде на Оттавской опытной станции была обнаружена яровая пшеница сорта «Маркиза», имеющая много общего с русскими сортами пшеницы. Помимо рассмотрения научных проблем советские ученые решили и важную практическую задачу — закупили высокосортные семена. Вавилов приобрел более 50 тыс. пудов — это кроме накопленной им обширной коллекции семян всех встреченных ценных культур. Советское правительство придавало серьезное значение проделанной работе. Летом 1922 г. В. И. Ленин дал задание Н. П. Горбунову: «Узнайте в Наркомземе, сколько вагонов усовершенствованных семян привезли из-за границы»⁸.

Путь Вавилова домой лежал через Западную Европу (Ячевский вернулся в Петроград раньше). Здесь он сделал немало остановок — и каждый раз с большой пользой. «На моем паспорте 34 визы», — говорил дома ученый, вернувшись после 8-месячного отсутствия. В Англии Николай Иванович осмотрел Роттамстедскую сельскохозяйственную станцию, одну из крупнейших в то время, во Франции посетил Институт Пастера, несколько лабораторий, в Бельгии и Голландии встречался с коллегами. Около двух месяцев провел Вавилов в Германии. Здесь он закупил много специальных инструментов, которые заказывались им по чертежам, посетил крупнейшие генетические исследовательские учреждения, присутствовал на ежегодном сельскохозяйственном съезде. Затем — скандинавские страны. Осмотрены все крупные селекционные станции, шведский ботанический сад, велись долгие беседы с такими видными учеными, как датчанин Иогансен, швед Нильсон Эле. На обратном пути — Латвия и Эстония. «В результате, — рассказывал Н. И. Вавилов по возвращении, — были посещены все главнейшие генетические институты, главнейшие опытные станции и, можно сказать, удалось перевидать почти всех генетиков Западной Европы и Америки, а, сверх этого, «и попутно, путем корреспонденции, установить связи и с японскими исследователями»⁹. В это время Советская Россия еще ни с одной из западноевропейских стран не имела дипломатических отношений, лишь в некоторых государствах были экономические миссии. Однако прогрессивных ученых это не смущало. Многие деятели науки и культуры признали Советскую страну раньше, чем это делали буржуазные правительства. Это тоже отметил Вавилов: «Ту симпатию, которую приходилось нам постоянно чувствовать, трудно передать словами, она проявлялась во всем, в деталях и в крупном». Многие коллеги предлагали свои книги, журналы (разумеется, бесплатно) для отправки в Советскую Россию, нередко в нескольких

⁶ Там же, л. 36, 42.

⁷ Там же, л. 46.

⁸ Там же, л. 47—48; «Природа», 1965, № 4, стр. 4; см. также С. Р е з н и к. Указ. соч., стр. 136; В. К р у п и в. Начинаясь так... М., 1968, стр. 76.

⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 2978, оп. 2, д. 239, л. 48—52.

экземплярах¹⁰. В багаже Вавилова уместилось 3139 книг и 10 тыс. бюллетеней, изданных научными учреждениями и опытными станциями США, Канады, Европы. В Петроград теперь должны были поступать ежегодно 279 специальных журналов и ученых записок¹¹. Официальные представители Советской России всячески содействовали транспортировке грузов. В мае 1922 г. Вавилов благодарил Л. Б. Красина за помощь в отправке из Англии семян и научной литературы и сообщал в Берлин руководителю Бюро иностранной науки и техники Н. М. Федоровскому, что «лично мною заказанные книги и журналы идут очень хорошо»¹².

Предложения посылать новинки литературы и периодические издания, просьбы выслать оттиски его работ Вавилов начал получать, еще находясь в США. После возвращения на Родину его переписка стала быстро возрастать. Начались и ответные визиты. Уже летом 1922 г. в Советскую Россию приехал видный американский биолог проф. Г. Мёллер, сотрудник Г. Моргана. Он посетил московские и петроградские научные центры, встречался с коллегами — и увез с собой не только хорошие впечатления от дружественного приема, но и книги, изданные в Советской России. Эта литература была продемонстрирована на конгрессе Американской ассоциации содействия науке, состоявшемся в декабре 1922 г. в Бостоне¹³.

Контакты советских и американских ботаников, генетиков и селекционеров должны были принять стабильный характер. Это соответствовало научным и практическим интересам обеих стран. С этой целью Вавилов, находясь в США, с санкции Наркомзема открыл в Нью-Йорке «Русское сельскохозяйственное бюро». 12 марта 1922 г. он докладывал руководству Наркомата: «В октябре прошлого года во время моего пребывания в Америке мною было открыто в Нью-Йорке отделение прикладной ботаники и генетики с целью установления постоянных отношений с американскими опытными учреждениями в целях сбора образцов растений и семян и научной литературы для русских опытных учреждений». «За полугодие существования, — сообщал далее ученый, — Нью-Йоркское отделение оправдало блестяще свое существование. Им собрано со всех штатов Америки и частью из других стран огромное количество сортов и растений (до 20 тыс.) и переславо в Россию, собрана огромная литература со всех опытных станций, установлено общение не только с Соединенными Штатами и Канадой, но и с другими странами»¹⁴. Пленум сельскохозяйственной секции Наркомзема 22 марта, после доклада Вавилова, одобрил его действия. То же самое сделал Госплан. «Окно в Америку было прорублено. Русское научное учреждение обосновалось на почве Соединенных Штатов»¹⁵, — сообщал Вавилов в отчете. За первые два года деятельности Бюро отправило в Советскую страну более 8 тыс. сортов селекционных семян, которые рассылались в те районы, где они могли бы привиться по климатическим условиям. Количество книг и брошюр, полученных к осени 1923 г. с помощью Бюро, достигло 50 тыс. Народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин дал распоряжение представителям Наркомата в прибалтийских государствах: грузы в адрес Отдела прикладной ботаники пропускать незамедлительно¹⁶. Красин же организовал из Лондона перевод денег в Нью-Йорк на нужды Бюро.

Другой формой работы этого весьма скромного по штатам, но, безусловно, полезного учреждения было составление очерков, в которых обобщался американский опыт в области агрономии. «Благодаря Нью-Йоркскому отделению, — писал Н. И. Вавилов в Наркомзем 13 ноября 1923 г., — русские опытные учреждения могли ознакомиться с достижениями агрономии США за последнее десятилетие»¹⁷.

В Америке было также создано «Американо-русское общество для развития сельского хозяйства»; Вавилова избрали его вице-президентом. Задача этой добровольной организации научных работников была одна: содействовать советско-американскому

¹⁰ Там же, л. 65—66.

¹¹ А. И. Ревенкова. Указ. соч., стр. 57—58.

¹² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 24, л. 120, 123.

¹³ Там же, д. 32, л. 16—17. О своих впечатлениях о поездке американский гость рассказал в журнале «Scientific Monthly», vol. XVI, 1923, № 5.

¹⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 9. Вначале оно называлось Бюро отдела прикладной ботаники.

¹⁵ Там же, л. 11; д. 37, л. 24—25 об.

¹⁶ Там же, д. 32, л. 4; д. 37, л. 25 об.

¹⁷ Там же, д. 36, л. 103 об; д. 37, л. 19.

сотрудничеству в различных сферах агрономии¹⁸. Далеко не всем в США нравились налаживавшиеся контакты с Советской страной. Реакционные сенаторы требовали прекратить отправку литературы русским ученым. Тем не менее работа шла. В ней принимали участие и официальные учреждения. Департамент земледелия передал Бюро 15 комплектов всех своих изданий, увидевших свет после 1914 г. Много книг прислал аналогичный канадский департамент¹⁹. Вавилов ставил перед Бюро задачу получать образцы семян и литературу не только из США и Канады, но также из Индии, стран Южной Америки, Западной Европы. И здесь удалось добиться конкретных результатов²⁰.

В 1922—1923 гг. из США в Советскую Россию на длительный срок выехали группы сельскохозяйственных рабочих. Бюро снабжало их необходимой информацией о том, какие семена, в каком количестве целесообразно брать с собой, с учетом особенностей тех районов, куда направлялись эти рабочие²¹.

В 1923 г. в Москве, на территории нынешнего Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького, с 19 августа по 21 октября работала первая Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. На ней был создан большой иностранный отдел. В Нью-Йорке (так же, как и в столицах шести западноевропейских стран) открылось представительство для информации и содействия отправке экспонатов в Москву. 45 американских фирм и 6 научных организаций воспользовались приглашениями Наркомзема и приняли участие в выставке. Демонстрируя свой опыт, американские участники проявили большой интерес, и к тому новому, что появилось в советском сельском хозяйстве в начале 20-х годов²².

Интерес американских ученых и практиков к Советской стране был велик. «Поступают сотни запросов,— сообщал Вавилов в Наркомзем еще до открытия выставки,— от Вашингтонского министерства и от отдельных опытных учреждений, университетов, агрономических школ с просьбой прислать в обмен интересующие их образцы русских сортов и новую русскую агрономическую литературу»²³. Особенно велик был спрос на труды по прикладной ботанике. Председатель Почвенного бюро департамента земледелия Марбот писал в Сельскохозяйственный ученый комитет, что в США «весьма высоко ценят русские работы по почвоведению» и он сам в своих трудах отдает должное советскому опыту. «Американский ученый начал с определения характера почв в деталях, русский же ученый — с широких общих характеристик почв на больших пространствах, т. е. труды русских и американских почвоведов взаимно дополняются»²⁴. Большой интерес вызвали в США ценнейшие опыты И. В. Мичурина. Вавилов просил знаменитого садовода помочь составить полный список его работ и обобщающую статью об основных методах и результатах сделанного. Это нужно и для советского и для зарубежного читателя²⁵. В США был послан фильм, в котором показывался новый метод гибридизации, разработанный И. В. Мичуриным. Картина имела успех, на нее были опубликованы доброжелательные рецензии. После того, как фильм был показан на годичном собрании Американской научной ассоциации садоводов, руководитель Нью-йоркского бюро писал Мичурину: «Показ Вашей работы произвел на американских ученых садоводов неотразимое впечатление... Фильм, изображающий работу Мичурина,— говорили мне американцы,— демонстрирует две вещи: интересную и высокоценную работу Мичурина и заботу Советского правительства об успешном развитии научной мысли в СССР»²⁶.

К 1924 г. положение с семенным материалом изменилось. Теперь он приобретался только для научных целей — и на взаимных началах. «По существу НКЗ больше заинтересован в настоящее время в экспорте»,— писал Вавилов в Нью-йоркское

¹⁸ Там же, д. 22, л. 73; д. 32, л. 24—25.

¹⁹ Там же, д. 32, л. 13—14; Архив АН СССР, ЛО, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 9, л. 3.

²⁰ См. ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 26, л. 1; д. 20, л. 50.

²¹ Там же, д. 23, л. 72; д. 32, л. 11.

²² См. Центральный государственный архив народного хозяйства (далее — ЦГАНХ), ф. 480, оп. 7, д. 134, л. 149, 146; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 32, л. 22; «Экономическая жизнь», 15.XI.1923.

²³ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 50.

²⁴ Там же, ф. 2978, оп. 2, д. 294, л. 3 об.

²⁵ Там же, ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 72.

²⁶ ЦГАНХ, ф. 6856, оп. 1, д. 594, л. 1.

бюро 3 февраля 1924 г.²⁷ Департамент земледелия США неоднократно обращался с конкретными просьбами о выписке из СССР семян определенных культур для производства опытов. Кроме того, Бюро начало издавать бюллетень «Обозрение американского сельского хозяйства», содержащий интересный конкретный материал и посылавшийся в СССР, и продолжало работу по обмену литературой между сельскохозяйственными учреждениями двух стран²⁸.

Корреспондентские связи Вавилова и научных институтов, которыми он руководил, после первой большой зарубежной поездки ученого не ограничивались США. Из Чехословакии поступила просьба прислать Сельскохозяйственному союзу материалы о распространении и испытании различных сортов кукурузы. Из Уругвая сообщили, что приготовили для отправки в Петроград коллекцию местных трав и растений. Римский ботанический институт приглашал Вавилова принять практическое участие в работах этого научного центра. «Самая идея организации опытов в международном масштабе,— ответил директору Римского института Вавилов,— с одними растениями в определенной программе в разных странах, поднятая Вами, представляет исключительный интерес»²⁹.

Идея, которой Вавилов подчинял свою деятельность и как ученый и как руководитель коллективов исследователей — изучение сортового материала в мировом масштабе,— требовала новых экспедиций. Вскоре после возвращения в Петроград он начинает готовить вторую поездку. На этот раз — в Афганистан: именно там, по мнению Вавилова, можно найти истоки видообразования некоторых распространенных европейских культурных растений. Но попасть туда научной экспедиции было тогда нелегко; хотя советско-афганские отношения были нормализованы, влияние империалистических сил, особенно английских, тесно связанных с местными феодально-реакционными кругами, было довольно сильным. С момента начала подготовки экспедиции и до вступления ее на афганскую землю прошло полтора года. Уже к лету 1923 г., сообщал Вавилов в Нью-Йоркское бюро, на три четверти все сборы были закончены, но «экспедиция в Афганистан не состоялась главным образом по политическим причинам. Ее проведение как раз совпало с нотой Керзона и поэтому временно пришлось отложить»³⁰. Лишь 19 июля 1924 г. Вавилов вместе с инженером-агрономом Д. Д. Букиничем и селекционером В. Н. Лебедевым смог отправиться в Афганистан.

Путешествие по стране в условиях бездорожья было очень тяжелым. По равнинным маршрутам можно было двигаться только караванным путем, на лошадях, ишаках или верблюдах. В горах же дороги были непроходимы не только для арб, но и для всадников; приходилось идти пешком по карнизам гор, над ущельями. Самыми трудными были перевалы к высочайшей вершине Гималаев — Гиндукуш, их приходилось преодолевать неоднократно и в разных направлениях. Часть маршрута повторяла путь, пройденный много веков назад Александром Македонским. За четыре с половиной месяца было пройдено 5 тыс. км³¹. Но бесконечные трудности, которые стоически переносил ученый путешественник, были вознаграждены. Удалось собрать более 7 тыс. образцов сортового семенного и колосового материала по культурным растениям. В течение трех лет он высевался в различных районах СССР; затем размноженный сортовой материал по афганской пшенице был разослан опытными станциями³². «Поездка очень удачная,— писал Вавилов 16 января 1925 г. в Нью-Йоркское бюро.— Удалось найти настоящую прарожь, новые группы разновидностей мягких пшениц. Много новостей по огородным растениям. Выяснены некоторые фазы происхождения культурных растений»³³.

²⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 37, л. 75.

²⁸ См. там же, д. 83, л. 12, 22—23, 28; д. 279, л. 428. С 1925 г. Бюро именовалось в документах «Руссагрико» — «Русское сельскохозяйственное агентство в Америке».

²⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 38, 58; д. 21, л. 130, 142.

³⁰ Там же, д. 36, л. 63.

³¹ См. ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 9, л. 70; «Рядом с Н. И. Вавиловым». Сборник воспоминаний. М., 1963, стр. 194; С. М. Б у к а с о в. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.—Л., 1966, стр. 75; С. Р е з н и к. Указ. соч., стр. 174, 177, 188.

³² См. Н. И. В а в и л о в. Избранные труды, т. I. М.—Л., 1959, стр. 47, 49—50.

³³ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 83, л. 2—2 об.

Вавилов убедился, что на Востоке «завязаны узлы происхождения большинства культурных растений»³⁴. 5 мая 1925 г. он писал советскому полпреду в Афганистане Л. Н. Старку из Ленинграда: «Все материалы из Афганистана пришли в полной сохранности; разобраны в большой мере. В нынешнем году увидим в живом состоянии на Украине, в Туркестане, даже под Ленинградом»³⁵.

Экспедиция помогла развитию советско-афганского сотрудничества, укреплению добрососедских контактов между двумя странами. Местные жители оказывали содействие Вавилову и его спутникам, выделяли проводников, предоставляли транспорт. Советский ученый много раз беседовал с афганцами, рассказывал им о жизни социалистического государства. Внимательное знакомство с экономикой Афганистана убедило Вавилова в взаимовыгодности и перспективности развития торговли между двумя странами. Об этом он неоднократно писал в специальных статьях³⁶. Советский Союз мог теперь оказывать более эффективную помощь афганскому сельскому хозяйству. Полпредству в Кабуле были переданы труды Всесоюзного института прикладной ботаники, посланы образцы семян для посева на вновь созданной близ Кабула опытной станции, причем тех сортов, высокие качества которых уже были проверены советскими специалистами. В Афганистан, кроме того, было послано безвозмездно 20 пудов специальных семян культурного хлопка для опытных посевов³⁷.

Итоги исследовательской работы по Афганистану были подведены Вавиловым в капитальной монографии, на долгие годы сохранившей большую теоретическую и практическую ценность для мировой науки³⁸. В адрес автора приходили восторженные письма от зарубежных ученых из Мюнхена, Балтимора, Колорадо, африканских стран; говорилось о «великолепном сочинении», «изумительной книге», «в высшей степени интересном труде»³⁹. Руководимый Н. И. Вавиловым Институт прикладной ботаники и новых культур превращался в крупнейший научный центр нашей страны. Адресный фонд иностранных учреждений, с которыми были установлены контакты, насчитывал в 1925 г. 617 названий. Представлены в нем были и Америка (22 научных института, опытных станций, издательства ботанических садов) и Европа (58 немецких учреждений, научные центры Чехословакии, Болгарии, Венгрии и др.), Индия (49) и Африка (32), Австралия (17) и Китай (9). Только за 1924/25 хозяйственный год было выписано из-за границы и получено около 4,4 тыс. экземпляров растений и семян⁴⁰.

Но сделанное не удовлетворяло неутомимого исследователя. Мировая земледельческая карта — эта цель еще не была достигнута. И Вавилов готовит новые экспедиции. Его теперь особенно интересуют Турция, Индия, страны, омываемые Средиземным морем. Мысли ученого обращаются и к глубинным областям Малой Азии, к центральным районам Африки. «Исследование Востока,— писал он 25 июля 1925 г. Старку,— представляет для нас исключительный интерес».

В 1925 г. Вавилов добился разрешения на восьмимесячную поездку в Турцию одного из ближайших своих сотрудников проф. П. М. Жуковского. Уже 3 ноября Жуковский сообщал ему: «Натыкаюсь на много интересных вещей... двигаюсь в глубь Анатолии, 100 верст на лошадях»⁴¹. На Родину было отправлено около 5 тыс. образцов⁴². В. П. Потемкин сообщал Жуковскому, что в стране «крайне заинтересованы

³⁴ Там же, д. 86, л. 11 об; А. Р о с к и н. Караваны, дороги, колосья. М., 1932, стр. 37; В. К р у п и н. Указ. соч., стр. 87.

³⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 86, л. 1.

³⁶ См. Н. И. В а в и л о в. Афганистан и перспективы наших экономических взаимоотношений.— «Международная жизнь», 1925, № 3; его же. Афганистан и СССР.— «Известия», 3.V.1928; С. Г. К о р н е е в. Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М., 1969, стр. 17—48.

³⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, л. 6—9; «Документы внешней политики СССР», т. IX. М., 1964, стр. 606—609.

³⁸ Книга «Земледельческий Афганистан» вышла в 1929 г., переиздана в 1959 г. В написании монографии принял участие Д. Д. Букинич.

³⁹ См. ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 325, л. 34, 47; д. 326, л. 2, 174, и др.

⁴⁰ «Отчет о деятельности Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур за 1924/25 г. и операционный план на 1925/26 г.» Л., 1925, стр. 92, 95.

⁴¹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 86, л. 56, 9—9 об.

⁴² См. П. М. Ж у к о в с к и й. Земледельческая Турция. (Азиатская часть — Анатолия). М.— Л., 1933.

Вашиими исследованиями Турции. Просьба выслать краткий меморандум с основными выводами практического характера», а также указать на «возможные формы нашего сотрудничества с Турцией в области земледелия». Просьбу дипломата исследователь удовлетворил ⁴³.

В 1926 г. усилиями Н. И. Вавилова был отправлен в длительную экспедицию на Восток сотрудник института В. В. Маркевич, специалист по субтропическим культурам. Ученый приехал на юг Индии. В 1927 г., после перерыва в работе, снова вернулся туда, на этот раз в северные районы. Он установил прямые контакты с учеными. Советский представитель принял участие в научном конгрессе, познакомился там с ботаниками, агрономами и опытниками и при помощи их посетил все станции и институты, которые его интересовали. Поездка оказалась плодотворной, хотя путь домой нелегок (В Порт-Саиде и Яффе — задержки и придирки, в Палестине — унижительный обыск «с ощупыванием тела, перечитыванием дневников и даже интимных записных книжек») ⁴⁴.

Собранный Маркевичем материал был ценен, но еще не давал законченного представления об индийских культурных растениях. Вавилов считал необходимым в будущем продолжить сбор семян в Индии. Это пожелание было осуществлено в полной мере в послевоенное время. В 1950 г. начал поездки по стране научный сотрудник ВИР Д. В. Тер-Аванесян, советник посольства СССР в Дели по вопросам сельского хозяйства. В одном из сельскохозяйственных колледжей Тер-Аванесян встретился с проф. Пуревалом, крупным специалистом по овощным культурам, который знал Вавилова. «Когда он [Пуревал] узнал, что я являюсь сотрудником Всесоюзного института растениеводства, где директором долгое время был Н. И. Вавилов, старик весь просиял, сразу же предложил мне семян овощных и бахчевых культур» ⁴⁵.

В музее делейского Научно-исследовательского института сельского хозяйства висит большой портрет Вавилова. «Вы спрашиваете, что ваша страна дала индийской сельскохозяйственной науке? Прежде всего — Вавилова!» — сказал в беседе с корреспондентом «Правды» Ю. Чередниченко Генеральный директор Индийского совета сельскохозяйственных исследований Монкомбу Свамнатхав. И добавил: «В Индии этот большой ученый-путешественник при жизни не был, но ныне его мысль служит нам» ⁴⁶.

Научные командировки сотрудников были полезны. Но самые сложные задачи Вавилов стремился решать сам. Он задумал большую поездку по территории африканских стран Средиземноморского бассейна. Сельскохозяйственные культуры этих районов давно уже привлекали его особое внимание. Через Нью-Йоркское бюро, с помощью местных научных учреждений, путем переписки с зарубежными коллегами Вавилов обеспечил пересылку в Ленинград образцов дикой пшеницы из Марокко и Эфиопии, ячменя из Алжира и Туниса, получение литературы и специальных периодических журналов. В Каир ученый обратился с просьбой послать образцы «по горсти, по две различных сортов возделываемых полевых и огородных растений Египта». Он старался также своевременно удовлетворять просьбы, поступающие из африканских стран, отправлял туда партии селекционных семян, издания Института, другие книжные новинки, хотя не всегда это было легко. Но все эти частные удачи только усиливали стремление к дальнейшим исследованиям. Уже к январю 1926 г. Вавилов был готов к длительной экспедиции в Средиземноморье. 12 января 1926 г. Наркоминдел получил письмо за подписью управляющего делами Совнаркома Н. П. Горбунова; в нем говорилось об исключительном значении этой поездки и содержалась просьба: оказать ей всемерное содействие ⁴⁷.

Во всей Африке не был аккредитован ни один советский дипломат. В Египте, Палестине, Эритрее удалось побывать лишь нескольким торговым работникам. Пришлось прилагать немало усилий для получения виз. 29 мая 1926 г. Николай Иванович

⁴³ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 325, л. 102.

⁴⁴ Там же, д. 265, л. 3—4; д. 66, л. 5.

⁴⁵ Д. В. Тер-Аванесян. По дорогам Индии и Непала. М., 1962, стр. 5—6, 122.

⁴⁶ «Правда», 23.I.1974.

⁴⁷ См. ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 49, л. 111; д. 86, л. 111; д. 37, л. 11 об; д. 85, л. 23, 52; д. 113, л. 7.

писал: «Я наконец кое-как устроил дела со своей поездкой. Из английских виз я получил 2-х недельную визу в Англию, визу в Каир и Палестину. Отказали визу в Египет и Судан. Еду в Лондон, чтобы попытаться получить эти визы». Кроме того — необходимо каким-либо способом (может быть через Судан?) пройти в Эфиопию (туда «мне попасть нужно до зарезу, ибо там решается ряд проблем пшеничных и ячменных») ⁴⁸.

Вавилов поехал в английскую столицу. Но дело подвигалось туго. Английские власти не желали пускать советского ученого в свои колонии. 12 июня Николай Иванович сообщил из Лондона: «Пробираюсь ко львам, но пока трудно с визами. Львов отгородили визными затруднениями, для нас почти непроходимыми» ⁴⁹. Вавилов переехал в Париж. Он хотел там получить разрешение для его посещения французских колоний в Африке. Помочь ему взялась влиятельная маркиза де Вильморэн. Она отправилась хлопотать к президенту Пуанкаре, к премьер-министру Бриану. «Основной вопрос был, конечно, не займется ли советский профессор большевистской пропагандой, можно ли пускать его в такое опасное время, время восстаний в колонии? Вопреки всяким ожиданиям, миссия госпожи де Вильморэн была выполнена блестяще».

Осталось окончательно оформить паспорт в префектуре. Здесь ученому заявили, «что это невероятно, что здесь какая-то ошибка, ибо даже французским гражданам без официального разрешения в это время воспрещен въезд в Марокко и Сирию». Начались телефонные переговоры с министерством иностранных дел. Результат их был благоприятен для Вавилова («через час в кармане у меня был паспорт с четырьмя визами») ⁵⁰. Дорога в средиземноморские страны была открыта.

Сначала — Алжир. Впечатлений очень много, работы еще больше: растительный мир здесь богат и разнообразен. 9 июля 1926 г. Вавилов писал в Ленинград: «Кругом и дикая свекла и дикий лен, и тьма новых культур. Чтобы сделать все, что надо, надо было бы в 10 раз больше времени и быть несколькими вместе. Что могу, делаю» ⁵¹. Затем — Марокко. Он достиг Атласских гор и оказался в непосредственной близости от зоны военных действий восставших рифов против колонизаторов. У подножья Атласа путешественник нашел дикорастущую траву альфу — отличное сырье для бумаги. Исследования подтвердили его мнение, что горные районы Африки связаны по формам и происхождению растительного мира не только со Средиземноморьем, но и с Юго-Западной Азией. Вавилов повсюду собирал множество образцов, в Ленинград, в Институт, отправлялись десятки посылок. Попутно ученый описывал растительность, ландшафты Северной Африки — ведь все это мало известно в Советском Союзе. 24 июля Николай Иванович сообщал из Рабата Л. С. Бергу: «Закончил путешествие по Марокко. Благодаря автомобилю и автобусу исколесил вдоль и поперек всю страну... Стоит нестерпимая жара. В это время по Африке путешествуют только сумасшедшие. Ничего не поделаешь» ⁵². Есть опасность заболеть малярией, «для профилактики» приходится глотать хиин. После Марокко — Тунис. Здесь тоже собраны большие коллекции.

Попасть в следующую по программе страну, Сирию, было еще сложнее. 13 августа в письме к Бергу Вавилов рассказывал: закончил работу в Алжире, Тунисе и Марокко. «Теперь пытаюсь пробраться на Восток. Из-за визных препятствий приходится ехать окружным путем через Марсель. На днях чуть было не арестовали в Тунисе в связи с просроченной визой. Трудно россиянину бродить по свету. Попытаемся преодолеть» ⁵³. Первый этап нелегких африканских странствий был завершен. «Поездка в общем интересна и нужна и продуктивна... Отношение агрономов и коллег здесь самое лучшее. Мы на хорошем счету. Знакомства были закреплены в следующие годы перепиской, посылкой книг. Иначе относились к путешественнику колониальные чиновники («в Африке обо мне целое досье бумаг в соответствующих учреждениях») ⁵⁴.

Оказавшись в Европе, Вавилов воспользовался возможностью «попутно» остановиться в Греции, поехал на острова Крит и Кипр. Всюду обследовал полевые культуры.

⁴⁸ Там же, д. 89, л. 66.

⁴⁹ Цит. по: С. Резник. Указ. соч., стр. 192.

⁵⁰ Н. И. Вавилов. Пять континентов. М., 1962, стр. 124—125.

⁵¹ С. Резник. Указ. соч., стр. 198.

⁵² Архив АН СССР, ЛО, ф. 804, оп. 2, д. 119, л. 15.

⁵³ Там же, л. 4.

⁵⁴ С. Резник. Указ. соч., стр. 201—202; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 326, л. 106—107, 110.

В середине сентября 1926 г. ученый уже в Бейруте. Там колониальные чиновники «таскали в полицию, выделили из всех пассажиров, описали с ног до головы все приметы». Одолела малярия. Принимая хину, стараясь преодолеть слабость, Вавилов продолжал собирать материалы, ценные для советской и мировой науки и практики. Французский офицер сообщил ему, что он может попасть и в горные районы, на юг страны, интересовавшие ученого и как территория возделывания хлебов, и как родина дикой пшеницы, — несмотря на то, что здесь шла партизанская война друзов против колонизаторов. Нужно было только вывесить на палке белый платок — «и можно идти куда нужно, ибо встреча с друзами опасна лишь для французов, но не для русских, тем более большевиков». Действительно, в друзском селении советский путешественник встретил самый радушный прием, собрал все нужные ему семена, объехал верхом немало полей и в сопровождении друзских проводников прибыл к железнодорожной станции, откуда выехал в Дамаск ⁵⁵.

Вавилов нашел в Сирии дикую пшеницу, о которой в литературе ничего не упоминалось. После непродолжительного пребывания в Италии — Палестина и Трансиордания. «Временами,— писал он 12 января 1927 г. В. И. Вернадскому,— превращаюсь в упаковщика бесчисленных посылок семян, колосьев, книг» ⁵⁶. В Египет попасть так и не удалось, хотя пароход, на котором плыл Вавилов, остановился в Александрии. Стоянка продолжалась 28 часов. «Можно было бы повидать Нил, деревни, даже пирамиды». Но колониальные власти не выпустили на берег советского ученого. Он послал в Египет нанятого им на время помощника-итальянца, который и собрал полезные материалы для опытных учреждений СССР.

Теперь на очереди была Эфиопия. Вавилов знал, что в этой стране растут культуры, еще никем не изученные. Но как туда попасть? Он писал в январе 1927 г.: «Направляюсь к Абиссинии. Визы у меня нет. Все попытки получить ее в Европе не увенчались успехом. И решил ехать к границе Абиссинии прямо со стороны Сомали. Предвестники плохие. Россиян «никаких» Абиссиния не впускает. Иллюзий не строю и поэтому обеспечил тыл Эритреей. На худой конец посмотрим в окошко Эфиопии» ⁵⁷. Вавилов приехал во французское Сомали. И здесь выяснилось, что визы для приезда в столь нужную ему страну вообще не требуется. Статус виз в Эфиопии еще не был установлен... Для свободного путешествия в Аддис-Абебу достаточно было печати в паспорте, поставленной французским губернатором в Джибути; это подтвердил местный эфиопский консул. Комиссар французской полиции, регистрировавший приезжих, был настроен добродушно. Расспросив Вавилова, откуда он, куда направляется и чего хочет, он взялся сам пойти к губернатору и вскоре вручил Николаю Ивановичу паспорт с нужной печатью. «Россия сделала настоящую революцию. Дело пойдет!» — сказал офицер на прощание. Уже 11 февраля 1927 г. Вавилов писал Бергу из Аддис-Абебы: «Что бы там ни было, добрался до Эфиопии. Центр ген здесь любопытнейший. По пшенице даже виды еще не дифференцировались» ⁵⁸.

Но сделано только полдела. Если можно было приехать в эфиопскую столицу без специальной визы, то для путешествия по стране нужен был особый документ — «открытый лист» с императорскими печатями и подписями. Только так можно передвигаться из одной провинции в другую. На дорогах — беспрестанные заставы; на каждой «открытый лист» подвергался внимательному просмотру. Иногда надо было еще согласовать проезд с начальником провинции. «Поэтому нелишне запастись кроме открытого листа еще письмами от расов [начальники провинций] к расам. Кроме того, в муниципалитете у губернатора надо каждый раз заключать договор с караваном. В нем перечисляются все нанятые люди, их титулы, срок путешествия, условия оплаты, обязательства на случай смерти, болезни погонщиков, солдат. Договор скреплялся отпечатком пальцев» ⁵⁹.

Начинать дело следовало с получения «открытого листа», для чего требовалась личная встреча с правителем страны. Им был молодой регент Таффари — в будущем им-

⁵⁵ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 131—132.

⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 218, л. 4.

⁵⁷ Там же, л. 3—4.

⁵⁸ Там же, ф. 804, оп. 2, д. 119, л. 6; Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинию.— «Известия», 17.X.1935; С. Р. Езник. Указ. соч., стр. 217.

⁵⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 316, л. 1.

ператор Хайле Сейласпе I. Имея с собой рекомендательные письма видных французских ученых, Вавилов обратился за содействием к послу Франции в Эфиопии. Дипломат любил археологию, интересовался историей, был весьма любезен (его к тому же предупредила о приезде гостя госпожа де Вильморэн!) и обещал представить Вавилова Таффари. Обещание было выполнено через несколько дней. Впервые в книге посетителя регента Эфиопии появились слова: «Ленинград, СССР». Вавилов рассказал регенту о задачах задуманной экспедиции, о советском сельском хозяйстве, подарил ему карту земледелия СССР и свою книгу «Центры происхождения культурных растений» на английском языке; в ней говорилось и о том, что Эфиопия является, очевидно, одним из оригинальных самостоятельных очагов древнего земледелия. Таффари был внимателен, заинтересован, обещал вскоре дать разрешение на путешествие по стране ⁶⁰.

Несколько свободных дней. Но и они оказались заполнены до предела. Вавилов объезжал окрестные деревни, побывал на столичном базаре. К тому же слухи о любезном приеме регентом уже обошли Аддис-Абебу. Аккредитованные здесь послы и консулы приглашали советского путешественника. Генеральный консул Японии (в прошлом консул во Владивостоке) вместе с греческим дипломатом устроили обед. Беседа с Вавиловым, они не скрывали недоумения, что Советская страна может посылать в далекие странствия ученых «для каких-то агрономических целей».

Но вот к Вавилову явился посланец Таффари с приглашением посетить его. Беседа на этот раз велась с глазу на глаз (был удален даже переводчик). Таффари говорил по-французски. Разговор продолжался почти всю ночь. Регент, вспоминал Вавилов, «с большим интересом расспрашивал о нашей стране». Его особое внимание привлекли события Великого Октября. В конце беседы он попросил прислать ему изложение советской системы управления на французском языке (что и сделал Вавилов после возвращения на Родину) и обещал выдать столь желанный «императорский лист». Документ, которого американская зоологическая экспедиция из Чикаго добивалась пять недель, Вавилов получил в течение 10 дней. В нем советский путешественник именовался гостем Эфиопии; все местные власти должны были оказывать ему содействие, обеспечивать его «патронами, продовольствием, фуражом и солью по пути следования его каравана». Путешествовать могли по всей стране ⁶¹. Теперь предстояло собрать караван. Наняты были люди, подписан коллективный договор с губернатором Аддис-Абебы. Допустили один лишь промах: дабы облегчить своим спутникам передвижение, Вавилов приобрел 10 ослов. Но он не знал, что для взрослых ездить на них — большое оскорбление; на этих животных возили только детей и прокаженных.

Наконец, 19 февраля караван в составе 12 человек, включая переводчика, проводников и солдат-охранников, выступил из Аддис-Абебы. В день проходили по 20—30 км. Вавилов подробно знакомился с природой, его особенно привлекали пшеница и ячмень. Население встречало путешественников приветливо. Груз коллекций постепенно увеличивался. Пшеница по-прежнему на первом месте. Но встречались и ежевика, шиповник, абиссинская пальма, дикий банан. Чем дальше в глубь страны — тем нестерпимее становилась жара. Несколько мулов сдохло от непривычного корма. 24 марта Вавилов записал в дневнике: «Всем людям придется идти пешком. Всю ночь дежурю, поджидая дальнейшего падежа животных. Часть мулов удалось спасти». Новая неприятность: заградительный отряд провинции Тигре попытался отобрать «открытый лист» из-за того, что он составлен на амарийском, а не на местном языке. «После большой перепалки бумага возвращается» ⁶².

Караван продолжал свой путь — теперь на север. «Поля,— вспоминал ученый, представляли невероятную пестроту разновидностей. Надо было собрать сотни колосьев, чтобы получить представление о ботаническом составе... Среди пшениц сразу же обнаружили эндемичные формы, не известные нигде в мире, с фиолетовыми зернами».

⁶⁰ Н. И. В а в и л о в. Пять континентов, стр. 164; е г о ж е. Советская экспедиция в Абиссинию — «Известия», 17.X.1935.

⁶¹ См. Н. И. В а в и л о в. Пять континентов, стр. 183; е г о ж е. Советская экспедиция в Абиссинию.— «Известия», 17, 18.X.1935; Архив АН СССР, ф. 803, оп. 3, д. 14, л. 23.

⁶² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 316, л. 14, 22, 24; Н. И. В а в и л о в. Советская экспедиция в Абиссинию.— «Известия», 18.X.1935.

Это было открытие, которое Вавилов называл первоклассным. Здесь сама природа создала то, о чем мечтали земледельцы, — пшеницу твердую и безоостую. Большой научный интерес для селекции представляли неполегаемые ячмени, с крупными зернами, стойкие к низкой температуре⁶³.

Экспедиция близилась к завершению. Караван в течение четырех месяцев прошел около 2 тыс. км. Вавилов познакомился со всеми главными земледельческими районами страны. Взято много свыше 6 тыс. образцов культурных растений, собраны образцы почв, подробно исследована техника земледелия. Сделан большого значения вклад в изучение богатых природных ресурсов Эфиопии. На прощание — визит пограничным властям. «Никакого осмотра, самое лучшее доброжелательное отношение. Распускаем караван... с грузовым автомобилем отправляемся в Асмару»⁶⁴.

Вавилов — в итальянской Эритрее. Его интересовали здесь и зерновой базар, и музей, и библиотека в сельскохозяйственном училище. Собирались местные образцы. Но главная забота сейчас — отправка эфиопских материалов на Родину. «4 дня и ночи, — сообщал Вавилов заместителю директора института В. Е. Писареву в Ленинград, — писал без конца, онемели руки от подписывания 830 бланков — по 7 на посылку. Отправил 59 посылок, до этого послана из Аддис-Абебы, из Джибути 61 посылка, итог 120 из Восточной Африки». В заключение — приглашение к эритрейскому губернатору на специальный ужин; «пришлось надевать фрак»⁶⁵.

Закончилась одна из наиболее крупных и тяжелейших научных экспедиций Вавилова. «В тихие вечера в отделе генетики и селекции, — пишет проф. Писарев, — в Детском Селе (ныне г. Пушкин) в уютном кабинете Вавилова я только и мог понять о всех трудностях абиссинской экспедиции. Много о ней рассказал Николай Иванович — трудности переправы с коллекциями через верховья Нила, черные ночи в лесу под вой шакалов и гиен, нападения павианов на лагерь. А ночную охрану лагеря просто из чувства дружного товарищества обычно нес сам начальник экспедиции, простой и скромный академик Вавилов»⁶⁶. Вся африканская поездка была примером беззаветной преданности науке, образом личного мужества, стойчивости в достижении поставленных целей, находчивости при самых затруднительных или необычных обстоятельствах. Доклад Вавилова об Африке, сделанный для всего коллектива Института, слушался «с замиранием сердца». Николай Иванович показывал и диапозитивы: вот он собирает семена замечательных сортов хлебных злаков, но «на таких кручах, штурмовать которые было бы под силу лишь профессионалу-альпинисту». Слушатели узнали и о том, что прежде, чем перебраться через реку в Африке, сначала гнали коров — «иначе не проедешь, вся река кипит крокодилами»⁶⁷. Рассказал Вавилов также о полете в глубь Сахары на плохоньком самолете (из тех, которые летчики называли «этажерками») вдвоем с летчиком-французом. После двух дней пришлось к вечеру делать вынужденную посадку посреди пустыни. Вавилов, понимая, что угрожает двум людям ночью, тотчас же разжег костер. «Когда услышался рев льва, начался горячий спор, нужно ли потушить огонь. Николаю Ивановичу удалось настоять на своем, и он всю ночь поддерживал сильное пламя, а кругом ходил лов, наводя на них панику»⁶⁸.

Собранный колосовой и зерновой материал был очень ценен. По одной только пшенице — 444 образца. С весны 1927 г. полученные образцы высевались в различных районах Советского Союза, начиная от Полярного круга и кончая Украиной, Северным Кавказом и Средней Азией, от Ленинграда до Ташкента. За посевами велись подробные наблюдения.

31 мая 1928 г. Вавилов обратился с специальным письмом «ко всем, работающим с отдельными культурами». Указывая, что Наркомиздел СССР и Наркомзем РСФСР предложили «возможно быстрее обработать экспедиции и написать отчеты о них», он просил «возможно обстоятельнее» изучить эфиопский, эритрейский и сомалийский материалы и представить выводы, дающие возможность сопоставить советские и мировые

⁶³ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 16; его же. Советская экспедиция в Абиссинию. — «Известия», 20.X.1935; С. Резник. Указ. соч., стр. 227.

⁶⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 316, л. 28.

⁶⁵ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 189; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 316, л. 28.

⁶⁶ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 190—191.

⁶⁷ Там же, стр. 192.

⁶⁸ Там же, стр. 192—193.

коллекции с сортовым составом этих стран. («Весь интерес в изучении именно сравнение с другими странами») ⁶⁹. Подтвердился большой ботанический, генетический и агрономический интерес привезенного материала. Свои выводы Н. И. Вавилов изложил в труде «Пшеницы Абиссинии и их положение в общей системе пшениц, в работе «Абиссинские пшеницы в СССР и их хозяйственно-селекционное значение» ⁷⁰. Это был новый серьезный вклад в мировую науку. Трудно переоценить и значение всего сделанного советским ученым для африканских стран. Вавилов установил постоянные корреспондентские связи с местными учеными; проводился обмен семенами, научной информацией, новинками литературы. Письма со штампами «Бейрут», «Алжир», «Марокко» стали обычными. Такие связи были установлены и с теми странами региона, в которых Вавилов на смог побывать сам. Здесь он пользовался помощью работников Наркомвнешторга.

22 марта 1927 г. один из них писал Вавилову: «Спешу Вам сообщить, что к получению семян из Йемена уже приняты меры и ждем их поступление в Джижду в скором времени» ⁷¹. Семена были получены и отправлены на советские опытные станции. Специальной экспедиции организовать туда не удалось. Поэтому Николай Иванович привлек сотрудников генконсульства СССР в Хиджазе, которые охотно собирали для него образцы пшеницы, люцерны и огородных растений как в самом Хиджазе, так и в Йемене. Их посылали из Саны, Ходейды, Джижды в Отдел Ближнего Востока НКВД, отсюда через Н. П. Горбунова материалы попадали к Вавилову. Кроме того, он написал личное письмо премьер-министру Йемена, в котором рассказал о деятельности руководимого им Института прикладной ботаники и новых культур и просил содействовать дальнейшему сбору материалов. Было получено около 100 форм ячменя, пшеницы, бобов, кукурузы, фасоли, маиса, миндаля, салата, томатов, гороха ⁷².

Высеивание семян в различных районах СССР давало очень ценные результаты международного значения. Постепенно выяснилось, что сортовое разнообразие отдельных культур было локализовано в определенных районах, являющихся центрами происхождения этих культур. Для стран Востока работа, которую вели Вавилов, его коллеги и ученики, имела большое значение.

* * *

Специфический интерес для ученого представлял Пиренейский полуостров. Стремление Вавилова найти глубинные связи между земледельческими культурами различных стран диктовало необходимость путешествия по полям Испании. Она была включена в программу средиземноморской поездки Вавилова как ее заключительное звено.

В Испании тогда господствовала генеральская диктатура Примо де Ривера. Напряженность внутренней обстановки ученый чувствовал с первых же часов пребывания: «В поездах проверялись документы, паспорта должны были предъявляться не только на границе, но и при путешествии по стране. Красный советский паспорт с серпом и молотом действовал возбуждающе на сеньоров в штатском, проверявших документы. Их беспокойство возрастало по мере нашего продвижения в глубь Испании». С самого въезда Вавилова в эту страну к нему были прикреплены два полицейских в штатском, которые сопровождали путешественника во всех его странствиях, иногда вдвоем, иногда — сменяя друг друга. Однако быстрые передвижения ученого в автомобиле, по железным дорогам и верхом по горам довели их до изнеможения. Через одного из испанских ученых полицейские агенты вступили в переговоры с Николаем Ивановичем. Они предлагали, чтобы Вавилов заблаговременно сообщал им направление и пункты своих поездок, а они (особенно в горах, при езде верхом и в пешеходных экскурсиях) не будут за ним следовать, поджидая ученого в определенной гостинице. В обмен на такое разрешение «архангелы» (так называл их Вавилов) обещали помогать в путешествии: заказывать билеты, номера в гостиницах, отправлять посылки ⁷³. Те-

⁶⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 158, л. 12.

⁷⁰ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. III. М.—Л., 1962, стр. 225—226, 374.

⁷¹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 143, л. 287.

⁷² Там же. л. 282, л. 148, д. 327, л. 114, 116—120, 126—129, 132.

⁷³ См. Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 192, 194; «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 188.

перь можно было спокойно собирать колосья на полях, забираться высоко в горы. У ученого из социалистической страны нашлись друзья в Испании. «Со стороны научных кругов,— вспоминал Вавилов,— мы встретили самый радушный прием... в деревнях при проездах на автомобилях и на лошадях мы постоянно встречали исключительно дружественное отношение и гостеприимство, свойственные испанцам». Несколько десятков профессоров и преподавателей Леонского лицея собрались вечером, чтобы послушать рассказ столь редкого гостя о Советском Союзе, его науке. Но явился жандармский офицер, и заседание было закрыто. Коллеги помогали доставать образцы растений. Багаж быстро пополнялся, и притом интересным материалом. Многие стали теперь понятно в развитии европейского земледелия. Были найдены и специфические эндемичные культуры, свойственные Пиренейскому полуострову: песчаный овес, особые виды чечевицы, каштана и др.⁷⁴.

Каков же был общий итог всей средиземноморской экспедиции Вавилова в 1926—1927 гг.? Он посетил 15 стран; в ходе поездки организовал получение образцов различных культур из Португалии, Аравийского полуострова, Египта, Судана, Сицилии, Сардинии, а также из Германии. Только образцов сельскохозяйственных растений было добыто 9061. Кроме того, было доставлено в Ленинград около 2 тыс. книг, включая 13 комплектов научных журналов. «Книги эти представляют большую ценность как по своему содержанию, так и по подбору и разнообразию», «большинство книг представляет большую редкость»,— таковы были выводы членов Библиотечной комиссии Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур⁷⁵.

Почти во всех государствах, которые посетил Вавилов, он оставлял внештатных сотрудников своего Института, которые получали конкретные задания по сбору материалов, семян, получению новинок литературы и отправке всего этого в Ленинград: из разных стран туда периодически приходили посылки с полезным для науки грузом.

22 августа 1927 г. Вавилов писал в Нью-йоркское бюро: «Средиземноморье и Восточная Африка кончены. Поездка была удачна, многое понял и многим овладел». А в Институте «развернулась большая работа, понемногу овладеваем земным шаром»⁷⁶.

И в том же 1927 г.— снова в дороге. Опять в Европу. Но на этот раз ненадолго. В сентябре в Берлине созывался V международный конгресс по генетике. Приехали более 900 видных ученых со всего земного шара. В их числе — 50 советских. Во главе делегации — Вавилов. Его доклад «Мировые центры сортовых богатств культурных растений» был встречен с большим интересом. Специалисты из Германии, Чехословакии, США и других стран выразили желание посетить СССР для ознакомления с достижениями советской науки. По следам советских генетиков направлялись американские, немецкие, шведские экспедиции.

Далее — Рим. Здесь Вавилов участвовал в заседании Совета Международной ассоциации селекционеров растений полевых культур — он входил в состав Президиума этого общества. Он сделал также доклад на Всемирном конгрессе по сельскому хозяйству, происходившем в Италии. Вавилов был удостоен золотой медали. Конгресс постановил провести под его руководством опыты в мировом масштабе и принял советскую классификацию пшениц для введения ее в международную сельскохозяйственную науку. Кроме деловых заседаний у Вавилова было много встреч с учеными различных стран. «Работы так много,— писал он из Рима Писареву,— не видел даже еще Ватикана»⁷⁷. Тесные контакты связывали Николая Ивановича с крупными западными генетиками — Т. Г. Морганом, Дж. Б. Холдейном, В. Бэтсоном. Известный английский ученый, одновременно биохимик и генетик, физиолог и математик, Холдейн в 1928 г. приезжал в СССР. Он очень высоко оценил ботанические исследования Вавилова, прочел о нем лекцию в Королевском обществе в Лондоне⁷⁸. Во Всесоюзный ин-

⁷⁴ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 192, 218, 220.

⁷⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 340, л. 2, 63. Цифровые подсчеты наши (л. 7—40).

⁷⁶ Там же, д. 143, л. 36.

⁷⁷ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 183; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 282, л. 28; С. Р е з н и к. Указ. соч., стр. 155.

⁷⁸ J. B. S. Haldane. The Inequality of Maa (Prehistory in the Light of Genetics). London, 1932, p. 70—71. В 1937 г. Холдейн вступил в компартию.

ститут прикладной ботаники приезжали ученые из многих стран, в том числе из США, Японии, Уругвая, Канады, Ирана. Несколько лет проработал в Ленинграде и Москве видный американский ученый и экспериментатор Г. Г. Мёллер. В СССР читал лекции известный ученый К. Бриджес.

И для всех гостей у Вавилова находилось время, о каждом он успевал позаботиться. В обширной почте, приходившей в адрес ученого, немало было благодарственных писем. Директор Уругвайского фитотехнического института писал о «высшей степени любезном приеме», который был оказан одному из его сотрудников, длительное время работавшему в Ленинграде, об огромных впечатлениях, полученных этим научным работником от пребывания в СССР. В послании иранского посольства в СССР выражалась искренняя признательность за «горячую отзывчивость», и «проявленное внимание к молодому иранскому ученому», который «получил возможность пополнить свои знания в ленинградских научных учреждениях»⁷⁹. Всемирное содействие было оказано проф. Мозлей, командированному Балтиморским университетом для научной работы в СССР. За советами к Вавилону обращались сотрудники аграрных институтов, опытных сельскохозяйственных станций Италии, Англии, Германии, Испании, Греции. У него просили отписки его докладов и статей, экземпляры трудов Института, посылали ему не только опубликованные работы, но и рукописи с просьбой дополнить и исправить⁸⁰.

Контакты развивались не только с Западом, но и с Восточной Европой. Чехословацкая Академия сельскохозяйственных наук посылала регулярно свои труды в Ленинград. Белградский Ботанический институт и Земледельческое общество в Софии предлагали обмен изданиями. Государственная агрономическая станция в болгарской столице просила разрешения у Вавилова перевести его труд «Центры происхождения культурных растений». «Очень рад,— ответил он,— что эта книга может быть использована в Болгарии». В Румынии печаталось изложение основных выводов этой книги. Вавилов посылал в Бухарест и свои новые труды⁸¹.

В 1927—1928 гг. сотрудники института вели исследовательскую работу, обменивались опытом с коллегами из многих европейских стран. Проф. А. П. Ильинский получил персональное приглашение участвовать в Международной фитогеографической экскурсии, проводившейся летом 1928 г. по территории Чехословакии и Польши. В скандинавских странах изучали новейшие достижения селекционных учреждений, знакомились с генетическими центрами профессора В. Е. Писарев и Г. Д Карпенченко; последний работал также в лабораториях Германии, Франции, Англии, Австрии, Голландии.

По приглашению Вавилова в СССР позднее приехал видный болгарский ученый, академик Дончо Костов. Ехать пришлось полулегально, через Турцию — официальных отношений между СССР и Болгарией тогда не было. Вавилов вначале поселил гостя у себя дома — пока он не привык к Ленинграду. Для его работы были созданы наилучшие условия: хорошая оранжерея и участок для опытов, постоянное внимание. «Уже через месяц после приезда Костова Вавилов направил его в сопровождении Т. К. Лепина в Среднюю Азию, а затем почти всегда брал в свои экспедиции и поездки по СССР»⁸².

Тесные научные связи с учеными большинства европейских стран облегчали нашей стране создание стабильных зарубежных контактов. В августе 1929 г. Совнарком СССР принял решение: «В целях систематического изучения научно-технических достижений в области с-х передовых стран Западной Европы и Америки, регулярной информации об этих достижениях научных и хозяйственных учреждений Союза, а также в целях консультации и помощи командированым за границу научным работникам СССР» организовать в Германии, Дании, Чехословакии, США Бюро по изучению

⁷⁹ ГАОРСС Л О, ф. 9708, оп. 1, д. 474, л. 124; д. 475, л. 55.

⁸⁰ См. ГАОРС С ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 141 л. 1; д. 278, л. 29, 31, 35; д. 281, л. 573; д. 473, л. 3, и др.

⁸¹ Там же, д. 325, л. 92—93; д. 327, л. 180; д. 474, л. 1; д. 280, л. 466—467, и др.

⁸² Н. К о с т о в а. Крупнейший советский ученый академик Н. И. Вавилов — олицетворение русского сердечного гостеприимства (со слов академика Дончо Костова и по его личным воспоминаниям). — «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов». М. — Л., 1966, стр. 82, 84.

научно-технических достижений в сельскохозяйственном производстве. В США Бюро подчинялось Амторгу, в европейских странах — торгпредствам⁸³. Советское правительство последовательно и целеустремленно выступало за широкие взаимовыгодные контакты со всеми зарубежными странами.

Во второй половине 20-х годов все более пристальное внимание Вавилова стали привлекать Центральная Азия и Дальний Восток. Н. И. Вавилов и Н. П. Горбунов обратились, в частности, к далай-ламе. Указывая, что Тибет — страна высокой земледельческой и плодородческой культуры, представляющей серьезный научный интерес, советские ученые от имени Всесоюзного института прикладной ботаники просили помочь в получении образцов растений, возделываемых в Тибете. «Мы будем счастливы,— отмечалось в письме,— если Тибет пожелает получить, в свою очередь, образцы того, что возделывается в нашей стране из тех семенных сортовых богатств, которые собраны Институтом со всего мира»⁸⁴.

Семенами обменивались с несколькими научными учреждениями Японии и Индии. Центральная японская чайная ассоциация передала в советское торгпредство в Японии образцы японского и тайваньского чая с просьбой переслать Вавилову для исследования их витаминных качеств. Просьба была удовлетворена; выводы оказались интересными и для развития чайного дела в СССР⁸⁵.

На Японских островах в 1928 г. работала сотрудница Института Е. Н. Синская, которой, как сообщал Вавилов полпреду СССР в Токио А. А. Трояновскому, поручалось собрать образцы семян возделываемых сельскохозяйственных культур и возможно полные сведения о земледелии Японии. Благодаря ее усилиям были отобраны корнеплоды, отправлено в Ленинград много литературы⁸⁶. 167 названий семян получил Вавилов от Памирской советско-германской научной экспедиции, организованной в 1928 г. (в ее состав был включен ботаник)⁸⁷. Вавилов написал письмо личному секретарю премьер-министра Непала с просьбой прислать ему местные образцы⁸⁸.

Но интересы дела требовали личной поездки в Азию. Вавилов стал готовить большую экспедицию. Основная ее цель была изложена им в официальной докладной записке: «Ознакомление с условиями земледелия на нашем Дальнем Востоке и в соседних с ним странах, в особенности с культурами риса, сои и пшеницы. Большие перспективы, которые открываются перед земледелием нашего Дальнего Востока заставляют быть хорошо осведомленными в отношении условий культуры соседних с нами стран, а также достижения Японии и Манчжурии». Намечались также сбор сортовых материалов и установление научных связей с агрономическими и ботаническими учреждениями. Важно было и изучение Западного Китая, здесь очень интересны формы хлопчатника, масличных растений, льна. Это было продолжением мирового обследования культурных растений. Коллегия Наркоминдела приняла решение содействовать этой поездке. Экспедиции был предоставлен полугодовой срок⁸⁹.

Вместе с тремя сотрудниками Вавилов выехал в Синьцзян. Снова напряженная работа. Пройдено было 5400 км, собрано около 4 тыс. образцов в зерне и колосьях, 2 тыс. листов гербария. Затем — Япония, которая, как и Китай, является родиной риса, различных сортов проса, многих огородных растений. Начав с Хоккайдо, экспедиция двинулась на юг. Николай Иванович объехал все острова. Он совершил также поездки в Корею и на Тайвань (тогда японские колонии). «Корею я за 8 дней постиг, даже написал вчерне «Земледельческую Корею» в поезде. Много собрал; на Тайване «собрал за неделю около 700 образцов, литературу». Он читал в Японии лекции о советской генетике и биологии. Знакомство со страной убедило Вавилова, что научные командировки туда должны быть введены в систему, что следует переводить на русский язык труды о наиболее ценных исследованиях, выполненных в Японии по различным отрас-

⁸³ Центральный государственный архив РСФСР, ф. 2307, оп. 14, д. 2, л. 103—103 об. После того, как было создано новое Бюро, отпала необходимость в дальнейшей деятельности того Бюро, которое было создано в 1921 г. в Нью-Йорке.

⁸⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 142, л. 2—3.

⁸⁵ Там же, д. 325, л. 191—192, 202.

⁸⁶ Там же, д. 274, л. 6—11.

⁸⁷ Там же, д. 267, л. 56—63.

⁸⁸ Там же, д. 322, л. 15; д. 317, л. 11, 32, 41.

⁸⁹ Там же.

лям сельского хозяйства и промышленности, что нужно развивать широкое советско-японское сотрудничество⁹⁰.

После полугодовой непрерывной работы на Дальнем Востоке Вавилов возвращается домой. 1930 г. был для него очень напряженным. Ученый приступил к исполнению сложных и ответственных обязанностей президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Кроме Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (он был реорганизован во Всесоюзный институт растениеводства — ВИР), нужно было создать 11 новых сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений — таково было решение Совнаркома СССР⁹¹. Но и в этом году продолжались зарубежные поездки неутомимого исследователя. Весной 1930 г. Вавилов отправился на IX Международный конгресс по садоводству в Лондон. А через несколько месяцев он — в Кембридже, где V международный конгресс ботаников избрал его вице-президентом секции генетики. На обратном пути — остановки во Франции и Германии, знакомство с новыми институтами по генетике и селекции. Авторитет советской сельскохозяйственной науки продолжал расти. Английское Бюро генетики предложило посылать свои издания всем советским опытным станциям, адреса которых оно получит. Наиболее важные труды Вавилова и сотрудников ВИР Бюро решило переводить на английский язык, надеясь получить эти работы в порядке обмена. «Самым внимательным образом отнеситесь к запросам имперского Бюро генетики. С ним нам нужно поддерживать связь», — писал Вавилов ученому секретарю ВИР⁹².

В 1930 г. в СССР происходил конгресс Международной ассоциации почвоведов, объединявшей более 1200 членов (как учреждений, так и отдельных ученых) из 45 стран (из них около 400 из СССР). Его открыл по поручению Советского правительства Вавилов. Приветствуя участников (в зале находилось 129 гостей из 25 стран, сотни научных сотрудников институтов, опытных станций СССР), он говорил о том, что социализм и наука неразрывны — и в этом кроется причина разительных успехов строительства новой жизни в Советской стране⁹³. После заседаний в Ленинграде, а затем в Москве, на которых сообщались результаты новейших исследований, советские и зарубежные участники конгресса отправились в трехнедельную экскурсию по стране. Зарубежные ученые ознакомились с социалистическим сельским хозяйством, изучали почвы СССР; они побывали также на Сталинградском тракторном заводе и Сельмашстрое в Ростове, в совхозе «Гигант» и на строительстве Днепротгэса⁹⁴. В историю международных связей советских ученых была вписана еще одна важная страница.

К осени 1930 г. Вавилов добился выдающихся результатов в изучении мировых растительных ресурсов. Но «белые пятна» еще оставались. Центральная и Южная Америка интересовали ученого давно. Не имея физической возможности до этого года посетить столь интересные для изучения земледелия края, он организовал экспедицию туда группы сотрудников ВИР.

В конце 1925 г. в Мексику прибыла экспедиция под руководством Ю. Н. Воронова. Сотрудники советского полпредства в Мексике во главе с С. С. Пестковским обеспечили участникам экспедиции широкие контакты с местными научными и агрономическими кругами⁹⁵. Министр земледелия Мексики дал советским ученым официальные рекомендации во все местные агрономические учреждения; в поездке их сопровождали мексиканские коллеги. Население встречало ученых радушно и доброжелательно. Вот описание одной из таких встреч в небольшом мексиканском городке: «Пока мы

⁹⁰ Н. И. В а в и л о в. Наука в Японии (из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.). — «Природа», 1930, № 4, стр. 378; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 193, л. 14, 36—37; д. 318, л. 106; С. Р е з н и к. Указ. соч., стр. 246—248.

⁹¹ Подробнее см. В. Д. Е с а к о в. Советская наука в годы первой пятилетки, М., 1971, стр. 324.

⁹² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 411, л. 16—17, 20.

⁹³ «Известия», 21.VII.1930.

⁹⁴ См. Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР) СССР, ф. 7668, оп. 1, д. 253, л. 2; «Природа», 1930, № 10, стр. 1012—1014. Об интересе, проявленном к этому конгрессу на Западе, можно судить по такому факту: голландскому ученому доктору Вулке после возвращения из СССР пришлось 36 раз повторять в разных районах Голландии свой доклад о виденном в Советском Союзе. — ЦГАОР СССР, ф. 7668, оп. 1, д. 427, л. 12.

⁹⁵ См. подробнее А. И. С и з о н е н к о. С. С. Пестковский — первый советский полпред в Мексике. — «Новая и новейшая история», 1969, № 5,

раскладывали кровати и тюки для растений, в комнате успела побывать и представиться начальнику экспедиции вся местная знать. Остальное население поселка внимательно наблюдало за нашими действиями через двери и окна... В продолжении всего вечера играла музыка в честь экспедиции. Поселок был польщен нашим посещением. Однако оказалось, что это было не все. Когда мы уже улеглись в кровати, в соседней комнате, отделенной простой деревянной перегородкой, поднялась вдруг стрельба из револьверов». Оказалось, что это «способ выражения особого расположения к нам, и что стоит только ответить двумя-тремя выстрелами, как все немедленно прекратится»⁸⁶.

Результаты работы оказались весьма ценными. Была изучена мексиканская долина как центр древней ацтекской земледельческой культуры — здесь удалось собрать до тысячи образцов кукурузы, обнаружить истоки ее формообразования.

Далее — Гватемала, Колумбия, Боливия, Чили, Венесуэла, Панама. И здесь много полезных материалов, особенно разнообразных видов и форм картофеля. Ученые посетили и Кубу, где при помощи местных ученых изучили возделываемые растения. Интересные растения предоставил Институт тропического земледелия на о-ве Тринидад, где участники поездки остановились, возвращаясь домой.

Общие результаты этой первой большой советской научной экспедиции в страны Латинской Америки оказались внушительными. Когда собранные материалы были упакованы, выяснилось, что среди них имелось до 600 образцов туземных сортов картофеля и уже известных и редких новых корнеплодов. Нигде в мире еще не было подобной коллекции. Был обнаружен ряд новых признаков в диком и культурном южноамериканском картофеле, неизвестных европейским его видам, в том числе и устойчивых к заморозкам, не имевших никаких грибных заболеваний. Со своей стороны, участники экспедиции подарили Государственному сельскохозяйственному институту Мексики свыше 300 образцов селекционных сортов русской пшеницы, ячменя, овса и других хлебных злаков⁸⁷. Открытие очагов культурных растений в Андах Латинской Америки было сенсацией в мире селекционеров и генетиков.

На многие вопросы Вавилов хотел найти ответы сам. Работу в США, проведенную им в 1921 г., он не считал законченной. Деятельность Нью-йоркского бюро была полезной, но отнюдь не исключала необходимости новой поездки по США. Вавилов побывал на севере США, но еще не изучал тропических и субтропических районов. В течение 20-х годов он поддерживал разнообразные контакты с американскими научными учреждениями, с коллегами, работниками издательств и редакций. В США неоднократно выезжали в научные командировки его ближайшие сотрудники. Проф. Н. А. Максимов выступил в 1926 г. на Международном конгрессе по растениеводству, собравшемся в Итаке, с докладом о своих работах по созданию засухоустойчивых растений; он посетил 25 научных учреждений США, в которых рассказывал о деятельности руководимой им физиологической лаборатории Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, знакомился с опытом, накопленным американскими коллегами. Максимов побывал в Аризонской пустыне и других засушливых районах США, а также в опытных учреждениях по изучению приспособленных для существования в пустыне растений. В 1927 г. в США и Канаду выезжал заместитель директора Института проф. В. В. Таланов для ознакомления с результатами селекции, а также с организацией сортоиспытания в этих странах. Год проработал в научных учреждениях США Г. Д. Карпенченко, приехавший туда в сентябре 1929 г.⁸⁸

Вавилов получал в обмен на издания Института труды всех опытных станций США. В 1929 г. при его активном участии была организована совместная советско-американская экспедиция по изучению среднеазиатской люцерны и других культурных растений на территории Узбекистана, Туркменистана и Казахстана.

Осенью 1930 г. у Вавилова появилась возможность осуществить сразу два желания: продолжить изучение на месте американского земледелия и попасть, наконец, в латиноамериканские страны. Непосредственным поводом для путешествия явилась международная конференция по сельскохозяйственной экономике в Итаке. Вавилов

⁸⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 192, л. 5, 8; А. К н я з е в, И. Ф р е й д б е р г. Вокруг света на велосипеде. М., 1929, стр. 100—102.

⁸⁷ См. об этом ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 192, л. 13; д. 184, л. 47; «Информационный бюллетень ВОКС», № 33 (60), 20.VIII.1926, стр. 6.

⁸⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 66, л. 6—7; д. 115, л. 34; д. 408, л. 4.

возглавлял советскую делегацию; он сделал здесь шесть докладов по вопросам реконструкции сельского хозяйства на социалистических началах и организации сельскохозяйственной науки в СССР. Вавилов выступил перед участниками Панамериканского конгресса в Вашингтоне, а затем прочел 25 лекций в различных университетах США о первой пятилетке, о великих переменах в советской деревне. «Я должен отметить, — писал ученый в отчете о поездке, — исключительно радушное отношение со стороны всех американских ученых, огромный интерес к строительству СССР, нашей с-х политике и к организации исследовательского дела в Союзе. Очень многие ученые выражали желание посетить Союз... В группе агрономов, с которыми пришлось особенно много встречаться, интерес к нашему земледелию исключительно велик»⁹⁹. Выяснилось, что все учебники по физиологии растений, имевшие распространение в США и Канаде — это переводы книг А. В. Палладина, С. П. Костычева, Н. А. Максимова, по почвоведению — работы К. Д. Глинки. Книга Максимова «Руководство по физиологии растений» была официально принята в качестве основного руководства в 50 сельскохозяйственных колледжах США. Слушатели докладов Вавилова просили сообщать в дальнейшем на иностранных языках о достижениях советской науки¹⁰⁰.

Вавилов, находясь в США, вел исследовательскую работу. Вместе с членами советской делегации на конференции в Итаке он посетил Флориду и Луизиану, Техас и Калифорнию. Его интересовало все, что происходит на полях этих субтропических районов; особое внимание он уделял каучуконосным растениям, хлопчатнику, рису, плодовым. Отпущенную валюту Вавилов расходовал очень бережно. Чтобы приобрести больше семенного материала для отправки на Родину, он взял несколько метров ткани и сам шил маленькие матерчатые мешочки, — в них с помощью Амторга в адрес ВИР отправлялись ценные покупки.

После того, как программа пребывания в США была выполнена, Вавилов смог, наконец, посетить впервые некоторые латиноамериканские страны. 2 ноября 1930 г. Николай Иванович приехал в Мексику. Менее чем за три недели он проделал там огромную работу. Вавилов пересек полого поднимающееся к югу мексиканское плато с громадами гор и маленькими озерами, которыми заканчивались немногочисленные реки. Он проехал по единственной в своем роде пустыне, в которой среди песков выращивались культурные растения. Столь же интенсивно шла работа в Гватемале. Уже 3 декабря Вавилов сообщал жене: «Кончаю Гватемалу. Сделал разрез через всю страну. Тропики постиг». Затем — обследование полей Гондураса; 6 января 1931 г. он уже в Ленинграде.

Научные результаты поездки по трем латиноамериканским странам были очень важны. На их территории находился основной район происхождения хлопчатника и кукурузы. Здесь же произрастали ценные каучуконосные растения; Мексика — родина гваюлы, одного из лучших видов. Был собран и отправлен в Ленинград большой материал, существенно дополнивший сведения, полученные экспедицией 1926 г.¹⁰¹ Кроме того, Вавилов установил взаимопользные контакты с местными научными центрами и опытными станциями. Национальный институт агрикультуры в Мехико собирал и отправлял в СССР семена гваюлы, которые высевались в Туркменистане и Азербайджане. Из школы земледелия в Чапинго Вавилову посылали всевозможные семена растений, произрастающих в штате Юкатан: они имели специфическое значение ввиду сухого климата в этой части Мексики. «Юкатанский материал» высаживался на полях южных отделений ВИР. В школу в Чапинго были посланы советские научные труды. От мексиканских студентов из этой школы Вавилов получал письма, в которых выражалось желание учиться в СССР: «Советская организация сельской экономики научила бы нас многому, что мы могли бы потом применить у себя на родине».

Труд Н. И. Вавилова «Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света» был высоко оценен в латиноамериканских странах. В этой работе ученый, не ограничиваясь анализом проблем ботаники, высказал ряд глубоких мыслей об истории древних народов центральной и южной части Западного полушария. Месторасположение цивилизаций майя, ацтеков, сапотеков, тольтеков он связал с географической локализацией исходных растительных ре-

⁹⁹ Там же, д. 364, л. 82.

¹⁰⁰ Там же, л. 84: А. И. Ревенкова. Указ. соч., стр. 181.

¹⁰¹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 364, л. 82; С. Ревник. Указ. соч., стр. 255.

сурсов питания. «Как раз именно в районах, которые, как показали дифференциальные ботанико-географические изыскания, являлись в прошлом исходным источником ресурсов питания в Северной Америке, группируются и величайшие человеческие культуры древности»¹⁰².

Летом 1931 г. в Лондоне собрался II Международный конгресс по истории естествознания и техники. В нем участвовали восемь советских ученых и среди них Вавилов. На конгрессе был организован специальный «русский день», целиком посвященный делегатам СССР. Английская печать опубликовала более 150 статей и информационных заметок о проделанной деятелями советской науки работе на конгрессе. Вавилов сделал три доклада на общем собрании коллектива Института опытной агрономии в Роттамстаде; это был подробный рассказ о состоянии сельскохозяйственной науки в СССР и о результатах советских ботанических экспедиций, проводившихся в последующие годы. Он выступил также на многолюдном собрании Английского общества культурной связи с СССР¹⁰³. Впечатления от этой поездки ученый сформулировал так: «Метод диалектического материализма до сих пор почти не нашел отражения в докладах иностранных ученых и в этом отношении на советскую делегацию выпала ответственная миссия на конкретных примерах по ряду дисциплин демонстрировать всю значимость его для современной науки». Интерес к конгрессу, по справедливому убеждению Вавилова, был в значительной мере обусловлен работой советской делегации. О содержании советских докладов много говорилось на общих научных собраниях различных ассоциаций в западных странах, особенно в США.

Вавилова интересовало состояние сельскохозяйственной науки и практики в Англии. Он посетил многие английские сельскохозяйственные научно-исследовательские центры. Его вывод: «Идейно в области агрономии мы несомненно сейчас движемся много быстрее», на Западе некоторые опытные станции повторяют 50 лет одни и те же эксперименты¹⁰⁴. Но определенные практические успехи английских ученых в области генетики и селекции, особенно по гибридизации, Вавилов оценил по достоинству. Внимательно изучал он и достижения сельскохозяйственной науки в Германии, где задержался на обратном пути, посетив Институт селекции в Берлине, побывав в местных библиотеках.

В августе 1931 г. Вавилов вернулся из поездки, а в сентябре вновь уехал за границу, на этот раз в Скандинавию. В Дании он прочитал цикл лекций о своих новых работах, о современном состоянии советского земледелия. Затем последовали его выступления в Швеции и тут же — кратковременная поездка во Францию, подробное знакомство с международной колониальной выставкой в Париже.

Многочисленные зарубежные поездки Вавилова, а также его коллег и сотрудников укрепляли международный авторитет советской науки. Всесоюзный институт растениеводства становился уже не только внутрисоюзным, но и мировым научным центром. К 1931 г. ВИР имел постоянные контакты с 15 странами Европы, с США, Индией, Японией, Китаем, с Вест-Индскими островами, Австралией, группой африканских государств.

Мировые растительные ресурсы подвергались основательному исследованию с целью использования их в Советском Союзе. Высеивались новые образцы по каждой сельскохозяйственной культуре, затем из них выделялись наиболее ценные формы и сорта, которые использовались для селекции и последующего размножения. Было проведено испытание типизированного набора пшениц всех стран света — около 500 образцов, отобранных по хозяйственным и агрономическим признакам. Эта работа дала исходный материал для практической селекции. Наилучшие типы пшеницы разослали в зональные селекционные станции и специализированные институты.

Но как ни важны были для науки и практики уже проведенные работы, Вавилов не считал главное дело своей жизни полностью завершенным. После 10-месячного пе-

¹⁰² Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. II, стр. 150—151; подробнее об этом см. А. И. Си з о н е н к о. Вклад академика Н. И. Вавилова в изучение Латинской Америки. — «Латинская Америка», 1972, № 3, стр. 83.

¹⁰³ См. ЦГАОР СССР, ф. 7668, оп. 1, д. 427, л. 43; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 364, л. 106; «Экономическая жизнь», 5.VIII.1931.

¹⁰⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7668, оп. 1, д. 427, л. 42—43; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 364, л. 108—109.

рерыва — снова поездка, на этот раз длительная и по срокам (более полугода) и по проделанному маршруту. В третий раз — в Западное полушарие. В августе 1932 г. в Итаке созывался Международный конгресс по генетике и селекции. Вавилов был вице-президентом конгресса. Под его руководством велась подготовка большой выставки. «Мы имеем, что показать большому мировому конгрессу как в области теоретических, так и практических достижений», — писал Вавилов наркому земледелия СССР 23 марта 1932 г. К подготовке экспонатов ВИР привлек и институты союзных республик¹⁰⁵.

Его выступление на конгрессе прошло очень успешно, получило много откликов в прессе, Вавилов привез две брошюры, изданные на английском языке для участников конгресса: «Селекция в СССР» и «Генетика в СССР», в которых давался обзор новейших достижений советской сельскохозяйственной науки. «В некоторых направлениях мы несомненно уже заняли передовую позицию (планомерное использование мировых растительных ресурсов, яровизация как метод, дающий возможность использовать мировой ассортимент для селекционных целей, и междувидовая гибридизация)», — таков был вывод, сделанный Вавиловым после конгресса¹⁰⁶.

Различные общества, научные учреждения приглашали советского ученого выступить с докладами и лекциями. Повсюду собирались многочисленные и самые разнообразные аудитории. В США — девять выступлений, затем поездка в Канаду. В остальное время — посещение полей. Специально изучались изолированные индейские поселки Северной Аризоны; большой коллекционный материал по древним индейским культурам исследовался в музеях разных городов. «Не теряю дней, — сообщал Вавилов 27 сентября 1932 г. заместителю директора ВИР Н. В. Ковалеву, — ни воскресений, ни суббот. Изучил иммунитет, прошел за три дня весь курс в качестве лаборанта в Виннипеге. Читаю лекции в университетах». Из всего увиденного он обратил особое внимание на орошение хлебов в севообороте: это «дело надежное и надо Волжские дела брать всерьез. По генетике наш путь правильный... С физиологами тут слабо. Серьезных вопросов не трогают. Экзаменую их и проваливаю. Самим придется все решать. С иммунитетом много тут сделано и надо быстро нагонять».

Много полезного извлекли для себя из общения с Вавиловым американские и канадские коллеги. 5 сентября директор Института сельскохозяйственных изысканий канадского зернового объединения Стренус обратился с письмом к Вавилову: «Мы были очень счастливы видеть Вас у себя. Я опасаясь, что если Советская Россия в дальнейшем придет в нашу страну еще несколько таких способных, любезных и приятных джентльменов, вроде Вас, мы скоро все обратимся в пламенных социалистов. Вы нам дали совершенно новую картину прекрасной работы, проводимой правительством СССР в целях поднятия благоденствия и преуспевания своего народа». Канадский ученый считал, что если научный обмен получил бы широкое распространение, то «нам пришлось бы гораздо реже слышать глупое желание о недопущении русских товаров в другие страны. Несомненно, что ученый является одним из лучших посланников для создания лучших международных отношений». ВИР был включен в список учреждений, которым посылались канадские научные труды; в порядке взаимности просили высылать в Канаду издания ВИР на английском языке. Канадские коллеги Вавилова спрашивали также у него совета — какие имеются издания на английском языке, которые «знакомили бы их с экономическими, политическими и социальными достижениями СССР»¹⁰⁷.

К концу сентября 1932 г. программа пребывания в США и Канаде завершилась. На очереди — Латинская Америка. Планы Вавилова были очень обширны: поездка по 12 странам с целью изучить условия земледелия в Аргентине и Бразилии, собрать аргентинские образцы пшеницы, а также интересные для СССР семена других важнейших южноамериканских (из разных районов) культур¹⁰⁸.

Путь к достижению этой цели был тернист. Получение разрешений на въезд ученого из социалистической страны в государства ее не признавшие по-прежнему требо-

¹⁰⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 466, л. 18, 19, 21.

¹⁰⁶ Н. И. В а в и л о в. Пять континентов, стр. 246.

¹⁰⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 477, л. 514—515.

¹⁰⁸ Там же, д. 466, л. 22—23; д. 500, л. 196.

вало больших усилий. «Визы,— писал Вавилов из США Ковалеву,— получить в Южную Америку будет очень трудно, ибо там нет наших представительств, ни торговых, ни консульских»¹⁰⁹. Но свойственные Николаю Ивановичу необычайная энергия и оптимизм не покидали его. Трудности преодолевались, намеченная программа успешно выполнялась. Латиноамериканские ученые, среди которых авторитет Вавилова был очень высок, всячески старались помочь советскому гостю. «Я должен отметить,— писал он об этом,— исключительное содействие со стороны научных и агрономических работников во всех странах, где мне пришлось быть. Со стороны министерства земледелия и министров земледелия Боливии, Аргентины, Чили, Перу, Бразилии и Тринидада, а также Канады мне пришлось встретить чрезвычайно внимательное и доброжелательное отношение. Мне были предоставлены исключительные возможности ознакомления в краткое время со всеми материалами. В качестве спутников почти всегда меня сопровождали наиболее компетентные агрономы и руководители научных учреждений. Через них мне удалось достать много ценнейших материалов, необходимых для СССР»¹¹⁰.

Вавилову удалось посетить немало районов, в которых еще не побывали предыдущие экспедиции. Он обнаружил еще не описанные и не изученные ценные формы и сорта различных культурных растений, особенно картофеля, кукурузы, хинного дерева. Лучшие селекционные сорта приобретались для отправки на Родину. Из Перу Вавилов писал: «Был на Юкатане, постиг теперь немного всю Центральную Америку. С аэроплана перешел на землю. Она, конечно, в тысячу раз интереснее. Собираю все... Отправил 8 посылок по 5 кило. Не могу не посылать... Беру все, что можно. Пригодится. Советской стране все нужно... И к сути дела пробираемся. Институтское дело большое, и всеоюзное и всемирное»¹¹¹. Краткое письмо написано Бергу — на этот раз из Боливии (с приветом от «гор боливийских»): «Тьма тут интересного. Ушел снова в центры происхождения. Сколько тут несделанного»¹¹². За четыре с небольшим месяца Вавилов успел посетить Мексику, Кубу, Ямайку и Панаму, Перу, Боливию, Чили и Эквадор, Аргентину, Уругвай, Бразилию и Тринидад.

Собранные Вавиловым во время латиноамериканских странствий новые растительные материалы были очень ценны. Они затем использовались в ходе государственных сортоиспытаний по всему Советскому Союзу. Была выявлена полная картина древних земледельческих районов южноамериканского континента и происхождения многих культурных растений¹¹³. И практическое земледелие и мировая сельскохозяйственная наука многое получили от этой столь насыщенной и результативной экспедиции Вавилова.

Глубокое уважение к Вавилову со стороны научных кругов всех государств этого региона сохранилось и в последующие годы¹¹⁴. И не только там. Деятельность советского ученого получила международное признание. Его труды издавались и переиздавались во многих странах. В индийской левой прессе, например, публиковалось много материалов о результатах исследовательской работы Вавилова в Азии¹¹⁵. Он был избран иностранным членом Чехословацкой Академии сельскохозяйственных наук и Шотландской Академии наук в Эдинбурге, Американской ассоциации поощрения наук, Королевского общества в Лондоне и Нью-йоркского географического общества, почетным членом Всеиндийской Академии наук, Ботанического общества США, Британской ассоциации биологов и садоводческого общества в Лондоне, членом-корреспондентом германской Академии наук в Галле. Вавилов получил также звание доктора университета в Брно и в Софии.

Он неизменно оставался простым, отзывчивым и доступным человеком, высоко ценившим юмор и шутку, всегда создававшим вокруг себя непринужденную товарищескую атмосферу. В руководимых им коллективах он умел подчинить частное общему,

¹⁰⁹ Там же, д. 469, л. 36.

¹¹⁰ Н. И. В а в и л о в. Пять континентов, стр. 242—243.

¹¹¹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 500, л. 131—132; д. 508, л. 42, 77.

¹¹² Архив АН СССР, ЛО, ф. 804, оп. 2, д. 119, л. 14.

¹¹³ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 508, л. 77; Н. И. В а в и л о в. Пять континентов, стр. 251—252.

¹¹⁴ А. И. С и з о н е н к о. Вклад академика Н. И. Вавилова в изучение Латинской Америки, стр. 87—88.

¹¹⁵ См., например, «Modern Review», Calcutta, 1937, № 3.

главному. А этим главным была организация селекционной работы, выведение новых, высококачественных сортов растений с привлечением мирового исходного материала. Вавилов стремился сочетать коллективизм в исследовательской работе с максимально эффективным развитием личных качеств отдельных ученых, искал и находил связь между смежными отраслями наук, заботился о тщательном собирании и изучении отдельных фактов и смело выдвигал и обосновывал новые творческие идеи, находил верные практические решения. Вавилов был одним из выдающихся советских ученых, в деятельности которого нашли убедительное воплощение тесная связь между наукой и производством, всестороннее использование успехов научного прогресса в интересах социалистического строительства. Имя академика Вавилова стоит в ряду тех деятелей советской науки, кто внес наибольший вклад в ее международное признание, кто оказывал разнообразную помощь десяткам зарубежных коллег, имел решающее влияние на развитие мировой биологии. «Его деятельность привлекала к себе внимание ученых всего мира», — пишет академик Н. П. Дубинин¹¹⁶.

Деятельность Вавилова способствовала укреплению международного авторитета крупнейшего из мировых научных центров — Академии наук СССР, 250-летие которой широко отмечается в нашей стране и за ее рубежами. «Ныне советская наука находится на передовых рубежах мировой науки», — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР»¹¹⁷.

Основной научный итог деятельности Н. И. Вавилова — создание уникального единственного в мире по богатству и разнообразию собрания растительных форм в результате работ, проведенных в 60 странах пяти континентов, — полностью сохраняет свое значение и поныне. Собранные Вавиловым коллекции сохраняются, пополняются, размножаются во Всесоюзном институте растениеводства, носящем его имя, служат исходным материалом для выведения новых сортов. Около 80% посевов в нашей стране по всем культурам занято сортами, при создании которых в качестве исходного материала привлекались образцы из мировой коллекции растений. Сейчас Всесоюзный институт растениеводства имени Н. И. Вавилова имеет около 200 тыс. образцов. Имя Н. И. Вавилова носит организованное в 1966 г. Всесоюзное общество генетиков и селекционеров. «Н. И. Вавилова давно нет в живых, но и теперь многими нашими успехами в области растениеводства мы обязаны ему... До путешествий Н. И. Вавилова, С. М. Букасова и С. В. Юзепчука человечеству были известны лишь два вида картофеля. Теперь мы знаем более 200 видов, и среди них устойчивые к морозам, к главной болезни пасленовых — к фитофторе. Половина видов главного хлеба мира — пшеницы открыта экспедициями Н. И. Вавилова и сотни новых разновидностей пшениц стали достоянием людей»¹¹⁸.

Зарубежные поездки Вавилова были организованы Советским государством. Экспедиции Вавилова содействовали развитию связей между учеными СССР и государствами пяти континентов. Свои зарубежные научные поездки Вавилов начал с посещения в 1921 г. США. Знаменательно, что заключенное более чем 50 лет спустя Соглашение между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области сельского хозяйства предусматривает развитие контактов и в области растениеводства, включая генетику, селекцию, защиту растений, возделывание сельскохозяйственных культур, в том числе производство в условиях полузасушливого климата, обмен растительным генофондом, семепами и живым материалом¹¹⁹. Начатые Н. И. Вавиловым контакты с учеными США и многих других стран приобрели ныне широкое развитие, стали неотъемлемой частью международных научных и культурных связей СССР.

¹¹⁶ Н. П. Д у б и н и н. Указ соч., стр. 55.

¹¹⁷ «Правда», 17.X.1973.

¹¹⁸ Н. Ц и ц и н, А. И п а т ь е в. Во имя обновления земли. — «Правда», 27.III. 1967.

¹¹⁹ «Правда», 20.VI.1973.